

Ночь, кабинет начальника тюрьмы.

— Итак... — выслушав рассказ Эйдена, Вероника опустила взгляд. — Выходит, вероятность пересмотра дела очень низка.

Вероника снова отправилась в кабинет начальника тюрьмы для беседы с Эйденем и выслушала его объяснения.

— На данный момент я не могу придумать, как выйти из этого тупика, — тоже вздохнул Эйден.

Вероника помолчала немного и вдруг испустила долгий вздох, словно испытывая облегчение, а затем попыталась натянуто улыбнуться: — Не берите в голову, всё в порядке. Вы сделали всё, что могли. Я сирота, у меня нет ни семьи, ни друзей, мне не о чем беспокоиться. В конце концов, мне удалось встретить такого хорошего человека, как вы, надзиратель, перед смертью.

Эйден нахмурился и некоторое время смотрел на Веронику, а потом вдруг спросил: — Ты провела здесь несколько дней, но уже начала глупеть?

— А? — Вероника была в замешательстве.

— Нет, ошибочное обвинение, подстава и смертная казнь, как можно отмахнуться от такого? После такой смерти ты призраком непустишь этих людей! — Эйден уставился на неё. — Прояви хоть немного силы духа. Я так долго помогал тебе и ещё не сдался, зачем же ты признаешь поражение? Даже если казнь состоится завтра, ты должна быть готова подать заявление на повторное рассмотрение дела!

Полностью убедившись в невинности Вероники, он решил помочь ей переиграть дело.

Вторую свою жизнь он посвятил себя тюремной охране, сильно привязанный к своей профессии. Долг тюремного надзирателя – управлять преступниками и перевоспитывать их, а исполнить приговор невинному для него так же тягостно, как съесть муху.

Более того, сегодня этот негодяй осмелился выпендриваться и насмехаться над ним, любой вспыльчивый человек не смог бы такого вынести.

— Но... — Вероника была настолько застигнута врасплох, что на мгновение время забыла о переживаниях, — разве вы не сказали, что ничего не можете с этим поделать? Даже не сдаваясь, есть ли варианты?

— Если я ничего не придумаю, это не значит, что другие не могут, — Эйден сцепил руки вместе. — Я знаю одного человека, который может знать, что делать... Поскольку у тебя тоже нет решения, я просто попробую спросить у неё.

— У кого? — моргнула Вероника.

Эйден бросил на неё взгляд: — Секрет.

— Вы... говорите мне это нарочно, боясь, что я покончу с собой в тюрьме? — Вероника скептически посмотрела на Эйдена. — Умоляю тебя, не давайте мне надежды понапрасну, доводя до отчаяния, такое... мало кто выдерживает.

— Я просто честен. Во-первых, я не обязан заботиться о твоих чувствах. Я уже сделал всё возможное, чтобы помочь тебе дойти до этого момента. Это твоя битва, и ты сама обязана дойти до конца, независимо от исхода, — Эйден встал и надел шляпу. — Возвращайся в свою комнату, а я пойду к этому человеку. Нельзя терять время.

Поручив охране отослать Веронику, Эйден убедился, что коридор пуст во всех направлениях, и вернулся в свой кабинет. Сняв картину на стене, он обнаружил вмонтированный в стену сейф.

В этом сейфе хранились самые конфиденциальные документы этой тюрьмы. Только начальник тюрьмы имеет право открывать его, а Эйден пользовался им лишь изредка.

Но на этот раз Эйден не собирался открывать сейф.

Он достал три разных ключа и вставил их в замочные скважины в ряд, а затем начал приводить в действие поворотный замок сейфа, но ввел совсем другую комбинацию, чем обычно.

Дверь сейфа не открылась, но плитка перед столом Эйдена со звуком отошла, а затем бесшумно сдвинулась в сторону, открывая потайной ход, за которым оказалась винтовая лестница, ведущая вниз, в темное подземелье.

Эйден достал ключ, повертел замок и перевесил настенную картину, после чего взял с полки одну из переносных ламп, зажег её и шагнул в потайной ход.

Оказавшись в потайном проходе, он слегка потянул на себя рычаг на стене, и напольная плитка снова задвинулась, закрыв вход.

Эйден спускался с лампой в руках в подземное пространство, где царил тьма. Было тихо, только звук его шагов отдавался эхом, как будто за ним шёл ещё один невидимый человек.

Наконец он добрался до самого нижнего уровня – огромной темной комнаты, в которой не было ничего, кроме двери.

Всю стену занимала огромная дверь в камеру, сделанная из мифрила.

Поворотный кодовый замок, автоматически атакующая магическая ловушка, гексаграмма алхимической печати, следящий дух... все меры безопасности были встроены в эту дверь, как в центральной зоне Железной Розы. И мало того, на ней было выгравировано несколько видов рун, классифицированных как запрещенные Бюро по борьбе с ересью. Всё это было в схеме в виде спирали, шокирующей глаз.

Атакующие руны использовались не для укрепления двери камеры, а для полного уничтожения заключенного и этого подземного пространства, похоронив эту темницу, как только заключенная внутри прорвется.

Это подземелье находилось прямо под кабинетом начальника тюрьмы, и, честно говоря, Эйден очень скептически относился к рациональности этой конструкции.

Высокопоставленный сотрудник Бюро по борьбе с ересью, передавший ему это дело, подчеркнул, что фундамент был специально укреплен, как и подземелье, и что даже если оно взорвется, тюрьма не пострадает. Но Эйден всё равно очень переживал, что однажды он, сидя в своём кабинете и заполняя документ, услышит взрыв и погибнет в огне, похожем на извержение вулкана.

Более того, он не думал, что даже запретная магия сможет убить ту женщину.

Само существование заключенного, запертого внутри, – табу.

Один за другим он убирал защиту камеры и наконец прокусил палец и размазал кровь по желобку на двери – двери, которую в этой тюрьме имел право открывать только он.

Под звуки скрежета шестеренок тайная дверь из мифрила открылась слой за слоем, и перед глазами Эйдена предстала самая крепкая камера в Железной Розе.

Вся камера была сделана из мифрила, как и дверь, женщина с длинными волосами до земли была привязана к дыбе в её конце, длинные гвозди странной формы были воткнуты в её ладони, тыльную сторону стоп, суставы рук и ног. Её голова была наклонена, глаза плотно закрыты, и она была так спокойна, что казалась трупом.

Как только Эйден вошел в камеру, спящая женщина медленно открыла глаза.

— Добрый вечер, заключенная 4001, — поприветствовал её Эйден без каких-либо эмоций на лице.

— Наконец-то ты снова пришёл ко мне, мой дорогой надзиратель тюрьмы.

Заключенная 4001 улыбнулась ему, в её серебристо-серых глазах отразилась фигура Эйдена с переносной лампой.

<http://tl.rulate.ru/book/100692/3514571>